

Те Чжэн и Сун Тун тоже подросли. Увидев лежащую на земле девушку в алых одеждах, Сун Тун торопливо подошёл и опустился на колени, чтобы осмотреть её. Заметив, что прежде бледное личико Юйянь начинает понемногу оживать, а взгляд становится осмысленным, он с облегчением выдохнул:

— Эта барышня в порядке.

Он бросил быстрый косой взгляд на Лю Тинчжу.

Однако Лю Тинчжу словно и не заметил его взгляда. Он в упор смотрел на Сяо Шуланя, но на лице его не отразилось ни единой эмоции — казалось, оно окаменело и превратилось в чистый белый лист.

Убедившись, что Юйянь не пострадала, Сяо Шулань поднял голову и случайно встретился с глазами Лю Тинчжу. Внутри у него всё сжалось от внезапного испуга, и он протянул руку, чтобы поддержать юношу.

Юйянь, едва переведя дыхание, тут же пронзительно вскричала:

— Шулань!

Те Чжэн усмехнулся неподалеку:

— Брат Сяо, у тебя такая прекрасная возлюбленная, вам обоим завидуют все в цзянху — поистине идеальная пара, словно бессмертные божества. Чего же тебе еще не хватает? Ну ладно, допустим, но с какой стати ты так привязан к этой нечисти и раз за разом выгораживаешь её?

Голос Лю Тинчжу дрожал:

— Она — твоя невеста?

Он оттолкнул Сяо Шуланя и, в упор глядя на Юйянь, процедил:

— Это ты погубила Лотос Холодной Луны?

Заметив посиневшее лицо юноши, Юйянь испугалась, но всё же дерзко бросила:

— Подумаешь, не со зла же! Сдох цветок так сдох, чего ты пристал?

Сяо Шулань прикрикнул:

— Юйянь!

Лю Тинчжу разразился безумным смехом, в котором невозможно было разобрать, чего больше — жгучей тоски или ярости.

— Хорошо, хорошо, хорошо! Сяо Шулань, вот о какой женщине ты тосковал, кому так рвался принести цветы! Поистине преданный любитель цветов!

Видя такое состояние друга, Сяо Шулань больше не обращал внимания на присутствие Юйянь. Он снова протянул руку, пытаясь притянуть Лю Тинчжу к себе, но тот оттолкнул его изо всех сил. Не ожидавшего такого напора Сяо Шуланя отбросило назад на два шага, и из запазухи у него выпал какой-то высохший цветок.

Лотос Холодной Луны.

Когда этот цветок был жив, его лепестки сияли лунным светом, но теперь они почернели, словно обугленные угли, иссохли и раскрошились — казалось, стоило лишь слегка коснуться их, как они тут же рассыплются в пепел.

Зная, насколько дорог Лю Тинчжу этот цветок, Сяо Шулань всегда носил его с собой и не выбросил даже после того, как тот увял.

Те Чжэн тихо спросил:

— Небесный Мастер, это и есть тот легендарный цветок бессмертных?

Сун Тун неотрывно смотрел на увядшее соцветие. Во взгляде его читалась глубокая печаль, и он пробормотал себе под нос:

— Сколько же веков должно пройти, чтобы на свет появился этот Лотос Холодной Луны? Даже если годы в горах пролетают мгновенно, и один день в обители отшельника равен сотне лет в смертном мире... едва ли удастся вырастить этот чудесный цветок заново...

Лю Тинчжу медленно опустился на колени и протянул руку, подбирая цветок.

Чернота лепестков и белизна его пальцев создавали поразительный, режущий глаз контраст.

Цветок соскользнул с его ладони и упал на землю.

В лесу внезапно поднялся неистовый ветер, взметнув к небесам тучи листьев.

Стоял ранний весенний месяц, март. Лес пестрел сочной зеленью, и сорванные ветром листья, кружась, падали повсюду, словно бесчисленные изумрудные бабочки, накрывая землю сплошным ковром.

Сяо Шулань почувствовал, что теряет опору под ногами. Перед глазами всё застлало зеленью, и невольно вспомнилась та лунная ночь, когда весь мир купался в чистом сиянии, а синеглазый Лю Тинчжу всё ближе и ближе прижимался к нему...

Точно такое же удушающее чувство.

Плотная пелена листьев не позволяла разомкнуть веки, оставалось лишь зажмуриться. Зелёные листья источали свежий аромат... Нет, запах был совсем другим. От тела Лю Тинчжу исходило благоухание, похожее то на густой цветочный дух, то на прохладную травяную свежесть — невозможно было точно сказать, чем именно он пахнет. Этот аромат накатывал волнами, струясь и расходясь во все стороны, подобно кругам на воде.

Раскрыв глаза, Сяо Шулань с ужасом обнаружил, что зелень вокруг в мгновение ока стала кроваво-красной. Словно те багряные кленовые рощи в глубоких горах, или будто те самые изумрудные бабочки вспыхнули от бушующего пламени, запылал нестерпимый, алый, жестокий и до жути прекрасный пожар.

Сяо Шулань знал, что это всего лишь осенённые красным светом листвою деревья, но... почему ему казалось, что они вот-вот обратятся в пепел, а затем... пепел утечет сквозь пальцы, и не останется ровным счётом ничего?

В воздухе безумном танцевали алые листья, и яростный ветер полосовал лица, словно лезвие ножа. Наконец, выбившись из сил, красные листья стали опускаться на землю, устилая её сплошным алым ковром, который в лучах утреннего солнца сиял ослепительным цветом румян.

Среди багрянца постепенно проступила нежно-зелёная фигура Лю Тинчжу.

Он стоял на коленях, медленно отнимая руки от шеи Юйянь.

На белоснежной хрупкой шейке отчетливо темнели глубокие следы пальцев.

Несравненная красавица безмолвно распростерлась на земле. В её прекрасных, полных ужаса глазах уже не осталось прежнего живого блеска.

Чуть приоткрытые пунцовые губы алели точно лепестки роз под ней — их цвет ещё не успел поблекнуть от дыхания смерти, сохраняя пугающую, соблазнительную свежесть.

Лю Тинчжу медленно поднял голову, запрокидывая подбородок всё выше и выше, пока его шея не изогнулась изящным, безупречным изгибом.

Безумный смех раскатился под пологом леса, затихая нескоро.

Он наконец выплатил ту самую задолженность, — опустив голову, с мрачным вздохом произнес Сун Тун. — Сегодня все мы сложим головы от его руки.

Сяо Шулань глухим голосом вымолвил:

— А... Юйянь?

— Он убил её, — ответил Сун Тун.

Сяо Шулань неподвижно замер, простояв так добрую половину дня.

Ему не хотелось смотреть на это. Он предпочёл бы ослепнуть, лишь бы не видеть женщину в алых одеждах, в чьем теле больше не осталось жизни, и безумного юношу в синем, смеявшегося с видом человека, потерявшего рассудок.

Но красные листья падали повсюду, и казалось, будто его веки забрызганы густой кровью — от этой красноты к горлу подступал непрерывный тошнотворный ком.

Смех Лю Тинчжу постепенно стих. Вокруг по-прежнему кружились, легко и беззвучно порхая, бесчисленные алые листья.

Он поднял голову и обвел присутствующих холодным взглядом, наконец зафиксировав взор на Сяо Шулане.

— Что? Все онемели?

Сун Тун вздохнул:

— Нам нечего сказать.

Лю Тинчжу поднялся на ноги и усмехнулся:

— По крайней мере, Небесный Мастер знает толк в том, как следует себя вести.

Заметив, что Сяо Шулань таращится на него остекленевшим взглядом, он бросил:

— Что, больше не узнаешь меня?

Сяо Шулань сжав зубы, выдавил:

— За... зачем ты убил Юйянь?

Холодно улыбнувшись, Лю Тинчжу ответил:

— В тот раз ради неё ты вломился в мои горы и разрушил моё тысячелетнее культивирование — ладно, допустим. Но эта женщина уничтожила Лотос Холодной Луны. Жизнь за жизнь, я убил её по праву. В конце концов, люди в моих глазах — всё равно что звери в ваших: существа, которых должно резать и убивать, никакой разницы.

Сяо Шулань сорвался на хриплый крик:

— Включая меня? Между нами тоже нет разницы?

Лю Тинчжу на мгновение замолк и только потом бросил:

— Теперь это уже неважно.

Он вскинул голову к небу. Ослепительный солнечный свет заставил его на миг зажмуриться.

Взгляд же Сяо Шуланя тем временем застыл, превратившись в стоячую воду.

— Сколько в тебе было правды, а сколько лжи?

На этот раз молчание Лю Тинчжу затянулось ещё дольше. Наконец он тихо произнес:

— Если ты считал это правдой — значит, правда; если ложью — значит, ложь. Теперь и это уже не имеет значения.

Те Чжэн, всё это время молча наблюдававший за происходящим со стороны, не выдержал и холодно усмехнулся:

— Брат Сяо, он собрался убивать тебя, а ты всё ещё рассуждаешь с ним о былой страсти? Разве ты не знаешь, сколько людей он перебил по дороге сюда?

Если бы дело не зашло так далеко, когда целые деревни начали одна за другой гибнуть от необъяснимой внезапной смерти, неужели Небесный Мастер Сун явился бы сюда? Чем больше людей он пожирает, тем мощнее становится его сила! Знаешь ли ты, сколько народу полегло за последние дни от уезда Тяньхэ и уезда Саньцяо вплоть до посёлка Ханьтай?

Видя, что Сяо Шулань по-прежнему молчит, Те Чжэн гневно выпалил:

— Ты ведь всё прекрасно понимал, но всё равно шёл со мной на открытый конфликт, защищая его! Понимаешь ли ты, что косвенно тоже виновен в гибели этих людей? Знаешь ли ты, что число невинных жертв твоего неуместного милосердия исчисляется тысячами?! А теперь твоя возлюбленная приняла смерть от его руки прямо у тебя на глазах!

Кулаки Сяо Шуланя сжались с таким хрустом, будто кости ломались.

Сун Тун тяжело вздохнул:

— Их законы отличаются от наших. Мы тоже забиваем скот и не придаем этому значения, а они точно так же смотрят на нас... Вот только мы не можем позволить подобному продолжаться. Изначально он забирал жизни лишь тех, кто сам совался в горы за Лотосом Холодной Луны, к тому же...

Сун Тун осёкся на полуслове, сглотнул и продолжил:

— Но позже всё изменилось. Чтобы восстановить утраченное из-за тебя культивирование, он прибегнул к запретным методам, и за это нет ему прощения.

Сяо Шулань, Те Чжэн прав: в этом деле ты действительно совершил ошибку, погубив жизни стольких невинных людей, а теперь, похоже, придется расплатиться и нашими жизнями.

Лю Тинчжу едва заметно усмехнулся и уже собирался что-то сказать, как вдруг резко охнул: мир вокруг него завертелся волчком, и он рухнул на землю. Синие одежды затерялись среди алых листьев, точно бледная струйка дыма.

— Ка... Как такое возможно?..

Его вырвало фонтаном крови, брызнувшей и растворившейся на красном ковре листьев. Кровь продолжала течь изо рта хлынувшей рекой, казалось, он изрыгает собственные внутренности.

— Холодный... Лотос... Как он мог оказаться... у неё...

Сун Тун, подобравший ранее увядший цветок, поспешно достал его и принялся крутить в руках, внимательно разглядывая. Внезапно он ахнул:

— Не хватает одного лепестка!

В голове у Сяо Шуланя шумело, мысли путались, словно от крепкого хмеля или хождения по

облакам, где земля уходит из-под ног. И всё же, услышав это, он инстинктивно вымолвил:

— Это Юйянь... Она говорила, что случайно оторвала один лепесток. Именно поэтому Лотос Холодной Луны и погиб.

Сун Тун, не сводя глаз с почерневшего цветка в своей руке, медленно проговорил:

— Она его не оторвала.

Отупевший от головокружения Сяо Шулань ещё не успел осознать услышанное, как Лю Тинчжу с горькой усмешкой бросил:

— Она его съела!

Сяо Шулань отступил на два шага назад. Сун Тун пояснил:

— В преданиях говорится, что тот, кто заполучит Лотос Холодной Луны, обретёт вечную юность. Наверное, она тоже слышала эту легенду и проглотила один лепесток... Кто бы мог подумать, что подобная причина породит столь страшное следствие? Нет... она заставила тебя пойти в горы за цветком, это и стало началом причины, приведшей к сегодняшнему итогу...

Те Чжэн бросил взгляд на потерянного Сяо Шуланя и спросил:

— Что с ним?

— Он достиг своего уровня культивации исключительно благодаря Лотосу Холодной Луны, — ответил Сун Тун. — Всё в мире взаимосвязано: причинив вред этой девушке, он навредил и самому себе. Фактически он сам проглотил тот самый лотос... Естественно, его жизненные силы теперь тяжело подорваны, и без года или хотя бы полугода отдыха ему не восстановиться.

— Неужели Небесный Мастер собирается позволить ему дожить до тех времен? Чтобы он снова ел людей, убивал и калечил? — возмутился Те Чжэн и широким шагом двинулся к Лю Тинчжу.

Тяжело опираясь рукой о ствол дерева, Лю Тинчжу попытался подняться, но любое движение лишь вызывало новый приступ кровавой рвоты.

Те Чжэн усмехнулся:

— В тот день в антикварной лавке Моли я проиграл тебе, и это жутко уязвило моего гордого сыщика. Передо мной явно стояла нечисть, но оставалось лишь беспомощно смотреть, как она продолжает творить зло. И всё же небесная сеть широка, от ячеек её не уйти — возмездие за

дурные поступки настигает неотвратимо.

Его ладонь зависла в футе над головой Лю Тинчжу и, чуть помедлив, начала медленно опускаться.

Вспыхнул голубоватый свет — Сяо Шулань уже выхватил из ножен меч и молниеносно полоснул по воздуху.

Те Чжэн, казалось, ничуть не удивился и лишь отступил на шаг.

Лю Тинчжу испуганно вскрикнул. Больше всего на свете он боялся Меча Синего Дракона, а будучи совершенно обессиленным, и вовсе рухнул лицом вниз. К счастью, слой опавших листьев оказался достаточно толстым, и новых увечий он не получил.

Те Чжэн яростно вскричал:

— Ты всё ещё пытаешься его спасти?! Оглянись, тело твоей возлюбленной ещё даже не остыло!

Сяо Шулань обернулся. Широко раскрытые глаза Юйянь походили на тусклые стеклянные шарики, лишённые всякого блеска под лучами солнца.

Прежняя цветущая красота на фоне алых одежд казалась мертвенно-бледной, словно на неё надели маску.

Сяо Шулань внезапно дико закричал и, вскинув меч обеими руками, обрушил его на голову Лю Тинчжу.

Лю Тинчжу запрокинул голову, глядя на ослепительно сверкающее в лучах солнца лезвие. В обычные дни он едва выносил вид обнаженного меча даже под покровом ночи, что уж говорить о полуденном солнце и состоянии тяжелейшего истощения жизненных сил? Крик застрял у него в горле, оборванный на полуслове, и всё его тело обмякло на земле, словно сорванный лист.

Меч Сяо Шуланя замер в дюйме от его макушки.

Его руки дрожали — да так сильно, что прославленный мастер меча цзянху был не в силах удержать привычное оружие.

Внезапно испустив безумный вопль, Сяо Шулань взмахнул правой рукой: вспыхнул синий свет, и длинный меч со свистом вонзился глубоко в чашу леса. Раздался глухой стук — судя по звуку, клинок глубоко ушёл в ствол дерева.

Резко развернувшись, Сяо Шулань подхватил на руки тело Юйянь и бросился в чашу, в мгновение ока скрывшись из виду.

Лишившись давящего присутствия Меча Синего Дракона, Лю Тинчжу с трудом приподнял голову. Он хотел разжать губы и позвать на помощь, но сил не осталось даже на крик; попытался поднять руку, но та безвольно повисла.

Его бирюзовые одежды шуршали, соприкасаясь с красными листьями.

Туман медленно затуманил его взор, оседая влагой на ресницах.

Словно утренняя роса.

Обессиленный, он рухнул спиной на алый ковёр, позволяя бесчисленным красным листьям падать и укрывать его с головой.

Через три месяца.

— Шулань.

Услышав голос Моли, Сяо Шулань сделал вид, будто ничего не расслышал, и продолжал на ощупь шарить по столу в поисках кувшина с вином.

В тот день он выпил невероятно много, притащил с собой ещё несколько сосудов и, спотыкаясь, вернулся в дом Моли. Едва уловив в углу комнаты знакомый дымок благовоний и поняв, что Моли вернулся, он не удосужился даже поздороваться.

Он продолжал погружаться в этот пьяный морок день за днём.

— Шулань, хватит.

Отбросив пустой кувшин, Сяо Шулань потянулся за следующим.

— Моли, это я причинил ему боль. Что бы он ни сделал со мной, я стерплю... но он погубил Юйянь.

Голос Моли доносился из клубящегося дыма, звуча словно из пустоты:

— Почему же ты не убил его, чтобы отомстить за Юйянь?

Сяо Шулань горько усмехнулся:

— К чему задавать столь глупые вопросы? Ты же прекрасно знаешь, что я не смог бы поднять на него руку.

— А бросить его там одного — разве это не то же самое, что убить собственными руками?

Сяо Шулань умолк.

Моли тяжело вздохнул и внезапно извлек из-за спины продолговатый предмет, туго обёрнутый синей тканью, протянув его Сяо Шуланю.

Сердце Сяо Шуланя гулко ёкнуло. Протянув руку, он принял свёрток и принялся развязывать узлы.

Смутно догадываясь, что внутри, он всё равно не удержался от возгласа удивления, когда ткань пала.

Меч Синего Дракона.

— Где ты его раздобыл?

Моли приоткрыл рот, закрыл, помедлил и наконец вымолвил:

— Я забрал его у Сун Туна.

Вся жизнь Сяо Шуланя затрепетала, и он крикнул:

— А где Лю Тинчжу?

Моли ответил коротко:

— Ушёл.

Сяо Шулань замер.

— Ушёл? Куда? А Сун Тун и Те Чжэн...

Моли пояснил:

— Сун Тун — мой младший сородич по учению, он не мог не оказать мне эту услугу. К тому же я попросил об этом ради тебя. И кроме того...

Он на мгновение замялся:

— Сун Тун на самом деле не хотел совершать это злодеяние. Лю Тинчжу... не простая нечисть.

Сяо Шулань едва слушал слова Моли, повторив лишь один вопрос:

— Куда он отправился?

Моли не отвечал, и Сяо Шулань больше не допытывался, молча ожидая ответа.

Наконец Моли произнес:

— Ты всё ещё собираешься искать его? Ты не можешь простить его, он не может простить тебя — к чему эти мучительные поиски?

— Пусть даже мы не сможем простить друг друга, я всё равно хочу его увидеть, — тихо ответил Сяо Шулань.

Моли покачал головой:

— Юйянь на том свете тоже будет горько это видеть.

— Я знаю, но... я не умею разделять своё сердце надвое.

Глубоко вздохнув, Моли поднялся и, сутулясь, направился вглубь внутренних покоев.

— Я вечно буду сомневаться, было ли моим решением спасти его ошибкой или верным шагом. Жизнь Юйянь уже не вернуть, а ты уже сделал свой выбор. Как друг я не хочу, чтобы ты потерял что-то ещё.

Швырнув винный кувшин о стену, Сяо Шулань бросился вперед и схватил Моли за воротник:

— Говори, куда он ушел?!

Моли оттолкнул его со словами:

— Если ты так переживаешь и суетишься теперь, зачем же тогда сбежал тогда?

Заметив выражение глаз Сяо Шуланя, он всё же сжалился и с укоризненным вздохом вымолвил:

— Совсем ты потерял голову от горя. Откуда пришёл — туда и вернулся.

Сяо Шулань разом всё понял.

Верно. Откуда пришёл — туда и возвращайся.

Повернувшись к окну, он устремил взгляд вдаль, словно его взор пронзал клубящиеся туманы, устремляясь к той самой окутанной облаками духовной горе.

Пятнадцатый день, полнолуние. Лунный свет струялся чистым шёлком.

Оказавшись здесь, человек и впрямь забывал, что на дворе стоит лютая глухая зима со свирепствующими повсюду метелями.

В этих глубоких горах круглый год царила весна — разительный контраст с ледяными бурями внешнего мира.

Подняв глаза на небо, Сяо Шулань с изумлением заметил, что луна этой ночью сияет странным, жутковатым светом, напоминающим мертвенно-бледное лицо. То было не мягкое переливчатое сияние, а жутковатый, пронзительно-белый, хищный блеск.

Небольшая беседка без крыши осталась прежней, каменная доска для го по-прежнему ждала игроков так же, как в день его первого прихода сюда — вот только те тысячи чёрных и белых камней было уже не отыскать.

Пройдя вдоль ручья, петлявшего среди бамбуковой рощи, Сяо Шулань увидел Лю Тинчжу и ничуть не удивился.

Пожалуй, это место и впрямь подходило ему лучше всего.

Лю Тинчжу лежал навзничь на ветвях старого кипариса. Густая ливня образовала для него естественное ложе, купающееся в лунном свете. Закинув руки за голову, он забросил правую ногу на левое колено.

Глаза его были закрыты, а изящные крылья носа едва заметно вздрагивали, словно он впитывал сияние самой луны.

Лунный свет ложился тенями на его лицо, придавая чертам неуловимый демонический налёт. Прежде чистая и отрешенная зелень в этом бледном свечении казалась застывшим перламутром.

Юноша приоткрыл глаза и лениво перевел взгляд. Чистые, как вода, зрачки казались живыми, и ещё до того, как он заговорил, в воздухе словно зазвучали переборы струн. Заметив Сяо Шуланя, он на миг замер, и во взгляде его промелькнула лёгкая дымка, словно от омывающих лицо капель дождя.

— Ты пришёл.

Сяо Шулань качнулся и взмыл в воздух. Толстый ствол кипариса едва заметно качнулся, даже если бы на нём уселся еще один такой же человек.

— Мне сказал Моли.

Лю Тинчжу ещё сильнее запрокинул голову и беззвучно рассмеялся. От этого смеха его брови изогнулись столь же изящно и тонко, как далёкие горные хребты, а в глазах заплескалась рябь, от которой у Сяо Шуланя зарябило в глазах. Он смеялся так, что всё его тело беззвучно трепетало, пробуждая сладостное томление в груди.

— Вот как. Твой друг спас меня. Хотя я никому не говорил, куда направляюсь... Неужели ты явился лишь потому, что понял: мне больше некуда идти, кроме как сюда?

Сяо Шулань машинально обнял его за плечи.

К его удивлению, Лю Тинчжу не стал сопротивляться и продолжал тихонько смеяться.

Их лица оказались так близко, что они ощущали дыхание друг друга. Бездонные глаза юноши словно затягивали душу в водоворот света и тени, вспыхивавших и угасавших. Холодная, словно нефрит, кожа прижалась к его разгоряченному телу, обдавая освежающей прохладой.

Заведя руки за шею Сяо Шуланя, Лю Тинчжу со смешком промолвил:

— И то верно, мы ведь именно здесь познакомились.

Внутри у Сяо Шуланя всё дрогнуло. Не говоря ни слова, он прижался щекой к его щеке, легко проводя губами по тонкой шее.

Лю Тинчжу моргнул, и трепещущие ресницы сделали его взгляд ещё более туманным:

— И как ты только посмелся явиться сюда? Не боишься, что войдёшь — и пути назад уже не будет?

Сяо Шулань с улыбкой ответил:

— Тогда я просто останусь здесь навсегда.

В глазах Лю Тинчжу заблестела влага, словно поднимались лёгкие испарения тумана.

— В этих горах полно всякой нечисти. Демоны, злые духи — чего здесь только нет. Они едят людей... — состроив страшную гримасу, он сделал шутливый замах глазами, но Сяо Шулань уже крепко прижал его к груди.

Опустив взгляд на это лицо, сохранившее нотку детской наивности, Сяо Шулань слегка прикусил его мочку уха и прошептал:

— Даже если ты решишь меня съесть, я согласен на это по собственной воле.

Громко рассмеявшись, Лю Тинчжу попытался оттолкнуть его, но Сяо Шулань держал крепко, не отпуская.

Хотя ветви кипариса были толстыми и крепкими, они не смогли выдержать возню двух не рассчитавших силы мужчин. Раздался сухой скрип, и дерево не выдержало.

Окруженные ворохом зелёных листьев, оба кубарем полетели вниз и с шумом рухнули прямо в воды маленького озера, но при падении разлетелись в разные стороны.

Прозрачные, искрящиеся брызги разлетелись вокруг, сверкая на поверхности воды подобно рассыпанным звёздам и выстраиваясь в длинные мерцающие цепочки.

<http://bllate.org/book/21147/2144249>